

03.06.19

ДВУХПРОЦЕНТНЫЙ СПОР

Юбилейные торжества в Вашингтоне в честь 70-й годовщины основания НАТО прошли с двойственными чувствами. С одной стороны, Североатлантический альянс продолжает расти и укрепляться, а его военная мощь остается одним из определяющих факторов мировой политики. С другой – внутри альянса накопилась масса противоречий, которые не удалось скрыть за торжественной риторикой.

Удивительно, но среди «проблемных» стран альянса оказалась и Германия, до недавнего времени сохранявшая репутацию твердыни евроатлантизма в ЕС. На торжественных мероприятиях в Вашингтоне главе МИД ФРГ **Хайко Маасу** пришлось выслушивать упреки от американского руководства. Недовольство Вашингтона резюмировал вице-президент США **Майк Пенс**, назвав Германию «лидером среди отстающих», в очередной раз призвав Берлин увеличить свои военные расходы. Маасу оставалось лишь оправдываться тем, что процесс формирования бюджета ФРГ может быть труден для понимания.

Германия стала частью НАТО в 1955 году. Членство в Североатлантическом альянсе стало альтернативой провалившемуся проекту Европейского оборонительного сообщества, отклоненному французским Национальным собранием. Правительство **Конрада Аденауэра** стремилось к скорейшей интеграции в западное сообщество, путь к которому проходил в том числе через единое сообщество безопасности. Война в Корее убеждала немецких политиков в том, что только коллективная оборона в состоянии защитить Боннскую республику от возможной агрессии.

В годы холодной войны Западная Германия находилась на переднем крае противостояния двух сверхдержав. Бундесвер насчитывал почти полмиллиона человек при нескольких миллионах резервистов. Армия ФРГ считалась одной из сильнейших в Европе, и именно ей предстояло первой столкнуться с армиями

советского блока в случае полномасштабного вооруженного конфликта на континенте.

После объединения Германии ее положение в НАТО изменилось. Восточные границы ФРГ утратили статус постоянного источника военной угрозы. Страны Восточной Европы стремились к интеграции с Западом, рассматривая Берлин как важного партнера и проводника на этом пути. После вступления в НАТО Польши и Чешской Республики Германия стала «тыловым» государством альянса, имея границы либо со своими военными союзниками, либо с нейтральными странами. С задачи территориальной обороны Бундесвер переключился на удаленные миссии в международном формате, отныне обеспечивая безопасность ФРГ в горах Гиндукуша.

Разговоры о том, необходимо ли НАТО в своем изначальном формате для мира после холодной войны стали вестись в Германии с начала 2000-х годов. Опросы показывали, что значительное число немцев не понимает целей и задач НАТО в современных условиях. Террористические атаки 11 сентября 2001 года на время вернули в альянс дух боевого содружества и общего противника. Однако уже два года спустя его единство было нарушено разногласиями вокруг Ирака. Фронта **Герхарда Шрёдера** стоила ему испорченных отношений с **Джорджем Бушем-младшим** и первого, хотя и кратковременного охлаждения американо-германских отношений после 1990 года.

Впрочем, это не помешало канцлеру выступить с инициативой о реформировании НАТО, призвав усилить политические функции альянса. На 41-й Мюнхенской конференции по безопасности в 2003 году идеи Шрёдера обнародовал министр обороны ФРГ **Петер Штрук**. Наряду с усилением политической компоненты НАТО были высказаны предложения по повышению роли в альянсе европейских государств и снижению американского военного присутствия в странах ЕС. Концепция Шрёдера не нашла понимания и развития у сменивших красно-зеленую коалицию христианских демократов, так и оставшись набором теоретических разработок.

С приходом Ангелы Меркель немецкие эксперименты с НАТО закончились, едва начавшись. Канцлерин осудила метания своего предшественника и подтвердила курс на последовательное укрепление евроатлантических отношений. Руководящие документы ФРГ надежно зафиксировали НАТО в качестве одной из основных рамок реализации Берлином своей внешней политики. Численность Бундесвера и американского военного контингента в Германии постепенно сокращалась, всеобщая воинская повинность была отменена, а немецкие политики смотрели на возможные угрозы безопасности как на что-то очень далекое.

Ревизия принципов американской внешней политики **Дональдом Трампом** стала неожиданностью для германского истеблишмента, равно как и сама победа на выборах скандального миллиардера. Эксперт по «хорошим сделкам», окинув взглядом достижения американской дипломатии, незамедлительно определил в ней несколько явно «плохих» договоров, слишком сильно бьющих по американскому кошельку. Именно таким оказался Североатлантический альянс, где большинство европейских союзников продолжали нарушать финансовую дисциплину, обеспечивая собственную безопасность за счет Вашингтона. И хотя «должников» было много, основной гнев Трампа пришелся на крупнейшую экономику ЕС – Германию.

Американский президент был возмущен тем, что вместо необходимых затрат на

оборону в размере 2% от ВВП страны, установленных решением Уэльского саммита 2014 года, Берлин не смог достичь показателя даже в 1,5%. Принимая финансовые обязательства на фоне украинского кризиса, немецкое руководство вряд ли рассчитывало на серьезный контроль по их исполнению. Решение выглядело как демонстрация союзнической солидарности, имевшая мало общего с достижением практических целей. Реальная готовность немецкого правительства увеличивать расходы на оборону приблизительно соответствовала готовности солдат Бундесвера защищать территорию Литвы от «российского вторжения».

Реагируя на критику со стороны американского союзника, Берлину пришлось доказывать свою «полезность» для Альянса. Немецкое руководство призвало Трампа сместить внимание с формальных показателей, обратившись к конкретным делам. Важным аргументом выступило участие немецких солдат в зарубежных миссиях альянса – от Косово до Афганистана, где Германия является одним из крупнейших доноров военнослужащих.

Почему Германия не заинтересована в наращивании военных расходов? Причины следует искать на стыке экономики, внешней политики и безопасности.

Во-первых, в абсолютных цифрах требуемые 2% от ВВП Германии будут составлять огромную сумму почти в €80 млрд в год. Это в два раза больше, чем расходы на оборону Франции – ядерной державы с высокой военной активностью в Африке. Сейчас у немецкого руководства нет понимания, как эффективно расходовать увеличенный оборонный бюджет. Действующий министр обороны **Урсула фон дер Ляйен** неоднократно обвинялась в недостаточной компетентности в вопросе освоения финансов. Сосредоточившись на военно-социальной работе, первая женщина – военный министр ФРГ упустила из виду исправное состояние боевой техники и оружия, комплектацию обмундирования военнослужащих, модернизационные работы. Эксперты убеждены, что современный Бундесвер не испытывает недостатка финансирования для выполнения текущих задач, однако расходование денег военным руководством оставляет много вопросов.

Во-вторых, ФРГ, наращивая свой военный потенциал, неизбежно столкнется с озабоченностью своих европейских соседей. Превращение экономического гиганта в военного гегемона рискует вернуть к жизни неприятные параллели в Польше или Франции. Европейский запрос на сильную Германию касается прежде всего немецкой экономики, а не германской армии. Заложенный в НАТО принцип *keep the Germans down*, вероятно, утратил свою актуальность, однако готовность ЕС и прежде всего самой Германии признать это неочевидна.

На сегодняшний день Берлину удастся уклониться от новых финансовых обязательств по обороне. Проект военного бюджета ФРГ на 2023 год предполагает даже его незначительное сокращение. Действия немецкого руководства рассчитаны на то, чтобы переждать активность Трампа и продолжить диалог с менее требовательным хозяином Белого дома. Терпеливо выслушивая претензии американского коллеги, Меркель предпочитает избегать ответной острой риторики. Выдержит ли эта тактика возможный второй срок Трампа, остается вопросом.

Оригинальная публикация "Петербургский диалог"

Источник: Двухпроцентный спор

ОБ АВТОРЕ

Артем Соколов

Эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Германия, Европейский союз

Область экспертизы: Специалист по внешней и внутренней политике Германии, российско-германским отношениям.

Профессиональный опыт: С 2017 г. – старший преподаватель Кафедры исторических наук МГЛУ, с 2018 г. – научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России. Автор еженедельного дайджеста внешней политики ФРГ.

